

МАКАРІЙ ГЛУХАРЕВЪ И ТОБОЛЬСКІЕ ДЕКАБРИСТЫ.

Въ писемъ м. Филарета Московскаго къ Алтайскому миссіонеру архим. Макарію отъ 2 Марта 1834 г. имѣются строки, бросающія яркій свѣтъ на характеръ о. Макарія, на его широкую терпимость къ людямъ разныхъ положеній и на его практичность (правда, часто оказывавшуюся непрактичною, не по его винѣ), которую онъ самъ называлъ способностію и желаніемъ „втянуть въ свою систему все, что представляется благопотребнымъ къ дѣлу служенія“ миссіонерскаго. „Что касается до особеннаго разряда людей, которыхъ вы полагаете пребывающими въ духѣ покаянія, но на которыхъ лежитъ замѣчаніе непримѣрно болѣе тяжкое, нежели на Иванъ Павловъ, можете по сему сравненію заключить, посоветую ли я вамъ просить себѣ кого изъ нихъ. Изъ сего не предвидится ничего, кромѣ вреда вашему чистому и простому дѣлу. Можетъ быть, время принесетъ удостовѣреніе о пребываніи спсхъ людей въ духѣ покаянія, и въ томъ, что они могутъ быть употреблены полезно и благонадежно; теперь еще не сіе время. И подумайте, изъ головъ, которыя почли себя способными перестроить цѣлый міръ, скоро ли можетъ выйти вонъ вся сія огромная дурь безъ остатка? Сказываютъ о нѣкоторыхъ, что смирились и занимаются религіею; слава Богу! Но духъ покаянія требуетъ, чтобы они признались не въ ошибокѣ и заблужденіи, въ чемъ и гордость иногда признается, а въ безуміи и преступленіи. Предоставимъ сіе Хозяину всѣмъ спастися. А вы будьте осторожны“ *).

Не трудно понять, что подъ „людьми особеннаго разряда“ разумѣются Декабристы, которыхъ Макарій хотѣлъ привлечь къ миссіонерскому служенію. Но до начала 1834 г., когда онъ заявилъ м. Филарету о своемъ желаніи, онъ едва ли могъ быть лично знакомъ съ кѣмъ-либо изъ Декабристовъ. Ни въ Тобольскѣ, гдѣ онъ прожилъ съ Октября 1829 г. по Августъ 1830 г., ни въ Бійскѣ, въ уѣздѣ котораго онъ миссіонерствовалъ съ Августа 1830 г., ихъ

*) Письмо самого архим. Макарія не сохранилось, отвѣтъ же м. Филарета напечатанъ въ „Письмахъ Филарета къ высочайшимъ особамъ и разнымъ другимъ лицамъ“ (Тверь, 1888), I, 120. Ранѣе письма эти были напечатаны въ Чтеніяхъ Москов. общества любителей духовнаго просвѣщенія, 1872. Въ послѣдніе годы было сдѣлано особое изданіе писемъ м. Филарета къ архим. Макарію. Иванъ Павловъ, котораго Макарій тоже хотѣлъ залучить въ миссію, былъ Чудовскій послушникъ, какъ разъ въ это время увлекшійся ересью подполковника Дубовицкаго (Письма м. Филарета къ архим. Антонію, I, №№ 113, 114).

не было; поселенные въ западной Сибирѣ Декабристы жили тогда преимущественно въ сѣверныхъ городахъ Томской и Тобольской губерній. Но, вѣроятно, до Макарія, какъ и до м. Филарета, дошелъ слухъ, что нѣкоторые изъ нихъ „смирлись и занимаются религіею“. Этотъ слухъ и подалъ Макарію мысль употребить ихъ на служеніе церкви, проектъ—смѣлый и не несбыточный: какъ разъ въ это время и само правительство стало пользоваться услугами Декабристовъ по канцелярской на первыхъ порахъ части. Въ помощи же образованныхъ и религіозныхъ сотрудниковъ у Макарія чувствовалась нужда съ самаго начала его миссіонерской дѣятельности. Изъ Тобольска онъ выѣхалъ на Алтай только съ двумя помощниками, изъ которыхъ старшій, окончившій семинарію, умеръ въ началѣ Ноября 1830 г. отъ чахотки, а другой, не прошедшій семинарскаго курса, чрезъ 1½ года женился и, не получивъ искомаго діаконскаго мѣста, пошелъ въ канцеляристы. Правда, въ Тобольскѣ Макарію навязывалось съ своими услугами еще одно духовное лицо; но когда Макарій, желая знать, какую вѣру онъ намѣренъ проповѣдывать, спросилъ его, сколько у насъ боговъ, „онъ насчиталъ ихъ не только три, но и четыре, и пять, и можетъ быть простерся бы далѣе, если бы М. не пресѣкъ этого исчисления“. „Архіепископъ (Агапшъ) всплеснулъ руками отъ удивленія и прискорбія, когда М. рассказалъ ему разговоръ свой съ этимъ клирикомъ“ *). Затѣмъ, если не считать свящ. А. Юнина, служившаго въ миссіи съ Августа 1833 г., то придется назвать еще только два имени, и этимъ ограничится весь составъ Алтайской миссіи до 1834 г. Два послѣднихъ сотрудника, Петръ Лисенцкій и Ив. Савельевъ, оба ссыльные, но давшіе Макарію поводъ выразиться: „И между ссылочными мелькаютъ люди, которые челоуѣчества не безчестятъ своими правами и поведеніемъ“...; но, понятно, они не имѣли никакой миссіонерской подготовки. Тѣмъ не менѣе, не смотря на недостатокъ сотрудниковъ, Макарій въ этотъ разъ не пытался, повидимому, осуществить свое намѣреніе привлечь Декабристовъ къ миссіонерской службѣ, уважая ли совѣтъ м. Филарета или просто по физической невозможности воспользоваться ихъ способностями.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Тотъ недостатокъ въ сотрудникахъ, на который прежде жаловался архим. Макарій, былъ нѣсколько восполненъ. Но за то расширились и миссіонерскіе планы его. Съ 1834 г. Макарій сталъ проводить въ высшихъ сферахъ, начиная съ м. Филарета и кончая самимъ Государемъ Николаемъ Павловичемъ, мысль о необходимости продолженія перевода на Русскій языкъ Библіи, въ интересахъ просвѣщенія религіозною истиною всего Русскаго народа, а чрезъ него всѣхъ инородцевъ, которые Провидѣніемъ вручены водительство православнои Русской церкви. Его письма и представленія не имѣли успѣха: слишкомъ недавно было закрыто Библейское Общество, и не успѣли еще улечься возбужденныя имъ страхи. Тогда архим. Макарій, не оставляя своей письменной пропаганды, самъ началъ (въ 1837 г.) перево-

*) Объ этомъ эпизодѣ рассказываетъ самъ Макарій въ письмѣ къ оберъ-прокурору Синода С. Д. Нечаеву 1834 г. (Д. Д. Филимоновъ, Матеріалы для біографіи основателя Алтайской миссіи архим. Макарія, изд. 1892 г. М., 123).

дять Библию и посылать въ Петербургъ книгу за книгой. Чтобы пробить своимъ переводамъ дорогу въ типографію и покорить духовныя власти своей идеѣ, а заодно провести въ ихъ сознаніе и осуществить составленный имъ въ 1836—1838 годахъ проектъ болѣе широкой и болѣе основательной постановки миссіонерскаго дѣла, проектъ, нѣкоторыя части котораго и доселѣ остаются въ области идеаловъ¹⁾, Макарій рѣшился самъ ѣхать въ Петербургъ. Его планы потерпѣли здѣсь неудачу; но все же онъ вернулся не безъ пользы какъ для Алтайской миссіи, для которой онъ пріобрѣлъ двухъ сотрудниковъ, много сочувствующихъ и собралъ болѣе 10 т. р., такъ и для той идеи Всероссийскаго и всесловнаго миссіонерства, для которой онъ работалъ послѣдніе годы своей жизни.

Этой-то идеѣ и послужили нѣсколько Тобольскіе Декабристы.

Въ Іюнѣ 1840 г., проѣзжая обратно чрезъ Тобольскъ, Макарій могъ познакомиться съ двумя изъ нихъ, съ Михаиломъ Александровичемъ Фонъ-Визинимъ и Павломъ Сергѣевичемъ Бобринцевымъ-Пушкинымъ. Первый, изъ отставныхъ генералъ-майоровъ, поселенъ былъ въ Тобольскъ въ 1836 г.²⁾ Это былъ весьма образованный человекъ, читавшій и въ ссылкѣ Русскіе и иностранныя журналы и слѣдившій за политикой и за всѣмъ, что дѣлается въ Европѣ. Что касается его религіозныхъ убѣжденій, то М. Д. Францева, дочь тогдашняго Тобольскаго совѣтника, посвятившая въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ о Сибирской своей жизни нѣсколько сочувственныхъ страницъ Фонъ-Визину, рисуетъ его человекомъ безгранично преданнымъ волѣ Провидѣнія, глубоко вѣрующимъ и настолько твердымъ въ истинахъ христіанства, что ему удавалось разоблачать и разсѣивать религіозныя сомнѣнія даже самого архіепископа Аѳанасія, у котораго „къ несчастью философскія идеи затемнили нѣсколько ясность Евангельскаго ученія“ и который, умирая, „благодарилъ Михаила Александровича, навѣщавшаго его каждый день во время предсмертной его болѣзни, за разсѣяніе мрака лживой философіи и укрѣпленіе въ основахъ истинъ божественныхъ“ и благословилъ его иконою³⁾... Не ме-

¹⁾ Это извѣстныя „Мысли о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію Христіанской вѣры между Евреями, Магометанами и язычниками въ Россійской державѣ“, напечатанныя въ 1893—1894 г.г., въ Православномъ Благовѣстникѣ и отдѣльно (1894).

²⁾ А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ, Декабристы въ Западной Сибири (Очерки по офиціальнымъ документамъ), Читенія въ Москов. Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ, 1895, IV, 193.

³⁾ Историч. Вѣстникъ, 1888, 32, 402—403. Это былъ Аѳанасій Протопоповъ, магистръ 1 курса С.-Пб. Академіи и затѣмъ инспекторъ ея (до 1816 г.), потомъ ректоръ Казанской дух. Академіи (до 1817), ректоръ Тверской семинаріи и настоятель Калязинскаго монастыря (до 1823), епископъ Чигиринскій (до 1826 г.), Нижегородскій (до 1832 г.) и, наконецъ, архіепископъ Тобольскій, † 21 Сент. 1842 г. Не отрицая возможности нѣкоторыхъ религіозныхъ сомнѣній въ этомъ святителѣ, одинаково интересовавшемся какъ богословіемъ, такъ и философіей и естественными науками (Рус. Архивъ, 1881, II, 407—409: „Прот. Сулоцкій, преосвящ. Аѳанасій Тобольскій“), замѣтимъ, что Маріи Францевой въ годъ смерти его едва было 14 лѣтъ и что близко знавшій преосвящ. Аѳанасія прот. Сулоцкій не упоминаетъ о религіозныхъ его колебаніяхъ и о разрѣшеніи ихъ Фонъ-Визинимъ, хотя и замѣчаетъ, что послѣдній переводилъ для Аѳанасія вмѣстѣ съ инспекторомъ

нѣе его была образована его жена Наталія Дмитріевна, урожд. Апухтина, послужившая по словамъ Францевой оригиналомъ для Татьяны Пушкина, и не менѣе его „духовно-религіозно развитая“. „Высокая религіозность ея проявлялась не въ однихъ внѣшнихъ формахъ обрядоваго исполненія, но въ глубокомъ развитіи вѣдѣнія духовнаго; она въ полномъ смыслѣ слова жила внутренней, духовной жизнью. Читала она всевозможныя духовныя книги, не говоря уже о Библии, которую знала всю почти наизусть, читала творенія св. отцовъ нашей церкви и писателей Католической и Протестантской церкви, знала Нѣмецкую философію, къ тому же обладала еще необыкновенно яснымъ и глубокимъ взглядомъ на жизнь. Съ ней рѣдко кто могъ выдержать какой-ниб. споръ, духовный ли, философскій, или политическій. Какъ бывало мудро и глубоко умѣла она соединить міровыя событія съ библейскими пророческими предсказаніями. Не разъ приходилось ей развивать архіереямъ такія Евангельскія истины, въ которыя они сами не вникали, и поражать ихъ глубиною своею духовнаго вѣдѣнія. Одинъ изъ Тобольскихъ архіаштыреѣ настолько поразила ея знаніями, что заставилъ ее написать объясненіе на молитву „Отче Нашъ“, которое до сихъ поръ сохранилось. Объясненіе этой молитвы ясно выказываетъ глубокое чувство вѣрующаго человѣка“¹⁾.

Познакомиться съ четой Фонъ - Визиныхъ, людей столь замѣчательныхъ по религіозному настроенію, духовному развитію и нравственнымъ симпатіямъ, Макарію могъ или у преосвящ. Аѳанасія, своего начальника по Петербургской академіи (1814—1816) и гостепріимнаго хозяина во время пребыванія своего въ Кіевѣ въ 1825 г.²⁾, и теперь, по свидѣтельству прот. Сулоцкаго, радушно угощавшаго его обѣдами и дружески съ нимъ обходившагося³⁾, или у Е. Ѳ. Непряхиной, своей духовной дочери. Последняя была дочь одного важнаго Тобольскаго чиновника (инспектора врачебной управы, по одному извѣстію, вице-губернатора—по другому), умершаго въ 1829 г. въ Петербургѣ. Возвращаясь оттуда послѣ его похоронъ въ Тобольскѣ, она въ Москвѣ тайно постриглась въ монахини, имѣя 28—29 лѣтъ отъ роду, и въ Тобольскѣ, познакомившись въ томъ же 1829 г. съ о. Макаріемъ, стала пользоваться его духовнымъ руководствомъ, памятниками котораго являются нѣсколько десятковъ писемъ къ ней архим. Макарія, напечатанныхъ въ 1851 и вторично въ 1860 г. въ Москвѣ⁴⁾. Письма эти характеризуютъ не только писавшаго, но

семинаріи Арзамасовымъ многотомныя Нѣмецкія библейскія археологіи Япа и Розенмиллера, которыя затѣмъ самъ преосвященный „исправлялъ и очищалъ отъ неологическихъ заблужденій и своеобразныхъ вѣроисповѣдныхъ взглядовъ“.

¹⁾ Истор. Вѣстникъ, 1888. ч. 32, стр. 392—396. По сообщенію ниженазываемой Е. Ѳ. Непряхиной Н. Д. Фонъ-Визица въ великомъ посту 1845 г. трижды говѣла.

²⁾ Макарію прожилъ въ Кіевѣ нѣсколько мѣсяцевъ 1825 г., послѣ увольненія отъ ректорства въ Костромской семинаріи. Часть этого времени онъ провелъ у преосв. Аѳанасія Чигиринскаго въ его Кіевскомъ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ.

³⁾ Русскій Архивъ, 1881, II, 394.

⁴⁾ Интересны также Записки самой Е. Ѳ. Непряхиной о знакомствѣ съ архим. Макаріемъ (напечат. въ Сборникѣ историч. матеріаловъ о жизни и дѣятельности настоятеля Болховскаго Троицкаго Оптина монастыря, о. архим. Макарія Глухарева, Орелъ 1897) и полтора десятка писемъ ея къ о. Макарію, о которыхъ ниже.

и то лице къ кому они писаны, и одна дѣвица, прочитавъ ихъ, писала въ 1852 г. Непряхиной: „Какая должна быть милая, чудная душа! Невольно вспомнишь поэта, она изъ числа тѣхъ душъ:

Творецъ изъ лучшаго зѣбра
Соткалъ живыя струны ихъ;
Онъ не созданы для міра,
А міръ нашъ созданъ не для нихъ.

Такой она является и по воспоминаніямъ М. Д. Францевой, какъ „олицетворенная доброта и любовь къ Богу и человѣку“ (612) Быть можетъ, и съ Декабристами она сошлась не столько по своему общественному положенію, сколько по сердечному влеченію къ этимъ высоко-правдивымъ въ большинствѣ случаевъ и несчастнымъ людямъ...

Павелъ Сергѣевичъ Бобринцевъ - Пушкинъ, изъ поручиковъ квартирмейстерской части, прибылъ въ Тобольскъ съ братомъ Николаемъ 14 Февр. 1840 г. О немъ г. Дмитриевъ-Мамоновъ говоритъ на основаніи официальныхъ данныхъ: „Павелъ Сергѣевичъ велъ въ Тобольскѣ жизнь весьма скромную и хотя, въ вѣдомостяхъ о лицахъ, состоявшихъ подъ надзоромъ полиціи, мѣстною администраціею отмѣчался лицомъ, „ничѣмъ не занимающимся“, но на самомъ дѣлѣ, кромѣ чтенія книгъ, преимущественно духовнаго содержанія, занимался изученіемъ гомеопатіи и безвозмезднымъ лѣченіемъ гомеопатическими средствами бѣднаго населенія“ ¹⁾. Подобнымъ образомъ характеризуетъ его и г-жа Францева: „Личность П. С. Бобринцева - Пушкина была замѣчательна по его глубоко-религіозному чувству; онъ въ полномъ смыслѣ былъ христіанинъ и словомъ и дѣломъ; вся жизнь его была однимъ выраженіемъ любви къ ближнему и посвящена была на служеніе страждущему человѣчеству... Заключение въ казематъ, какъ рассказывалъ намъ самъ П. Серг., имѣло превосходное вліяніе на развитіе его духовной стороны. Онъ только тамъ вполнѣ постигъ всю пустоту суетной мірской жизни и не только не ропталъ на перемѣну своей судьбы, но радовался, что, черезъ страданіе теперешняго заточенія, Господь открылъ ему познаніе другой лучшей жизни. Внутреннее перерожденіе оставило навсегда глубокой слѣдъ въ его душѣ. Находясь въ казематѣ, онъ радовался и воспѣвалъ хвалу Господу за Его святое къ нему милосердіе. Посвятивъ свою жизнь на служеніе ближнему, онъ старался во многомъ измѣнить свои привычки, любилъ читать Св. Писаніе, которое зналъ не хуже настоящаго богослова, велъ жизнь почти аскетическую, вырабатывая въ себѣ высокія качества смиренія и незлобія, ко всѣмъ былъ одинаково благорасположенъ и снисходителенъ къ недостаткамъ другихъ. Въ Тобольскѣ онъ занимался еще изученіемъ гомеопатіи и такъ много помогалъ своимъ безмезднымъ лѣченіемъ, что къ нему постоянно стекался народъ, особенно бѣдный“ ²⁾.

¹⁾ Чт. Моск. Общ. ист. и древн. Росс., 1895, IV, 172.

²⁾ Истор. Вѣстн., ч. 32, стр. 409—410; ср. 411, объ отличномъ знаніи Бобринцевымъ службы церковной и о чтеніи шестоцсалмія за всеюнощной.

Когда архим. Макарій въ Іюль—Августъ 1844 г. ѣхалъ въ Болховскій монастырь, настоятелемъ котораго былъ назначенъ по увольненіи отъ миссіонерской службы, то вновь заѣхалъ въ Tobольскъ и прожилъ здѣсь 8 дней. Тутъ онъ расширилъ кругъ своихъ знакомствъ съ Декабристами въ лицѣ Петра Николаевича Свистунова (изъ корнетовъ кавалергардскаго полка), появившагося въ Tobольскѣ въ 1841 г. Это тоже былъ человекъ всесторонне образованный и большой знатокъ и любитель музыки, въ частности церковной. М. Д. Францева сообщаетъ, что онъ по просьбѣ архіерея завѣдывалъ хоромъ пѣвчихъ, которые, кромѣ сочиненій Бортнянскаго и Львова, исполняли также обѣдню, написанную имъ самимъ. Впослѣдствіи онъ завѣдывалъ и довелъ до образцоваго состоянія женскую Маріинскую школу въ Tobольскѣ.

Эти люди и нѣкоторые другіе Декабристы, напр. Анненковъ, жили дружной семьей, въ составъ которой входили между прочимъ Францезы и Непряхина. Посѣтивъ однажды по просьбѣ Непряхиной домъ Фонъ-Визинныхъ, архим. Макарій провелъ тамъ время отъ 8 ч. веч. до 4 ч. утра и не переставая говорилъ на избранный текстъ Евангелія Іоанна. Онъ, замѣчаетъ М. Францева, при замѣчательной простотѣ обхожденія, отличался тѣмъ, что какой бы пустой разговоръ ни начался, онъ отъ него не уклонялся, но скоро обращалъ его въ духовную бесѣду, въ которой рѣчь его лилась такъ плавно, обильно и назидательно, что трудно было оторваться отъ нея. Францева отмѣтила еще, что на этомъ вечерѣ и на вечерѣ у Черепанова (прокурора) о. Макарій удивлялъ всѣхъ своею прозорливостью, нѣсколько разъ проявившеюся во внезапныхъ обличеніяхъ тутъ присутствующихъ, какъ бы помимо его воли. Впослѣдствіи, въ Москвѣ уже, П. Н. Свистуновъ, подтверждая этотъ отзывъ о глубокой духовности о. Макарія и дарѣ прозорливости, которымъ онъ былъ надѣленъ, рассказалъ два случая, гдѣ послѣдняя проявилась. „Однажды, когда онъ (архим. Макарій) пріѣхалъ въ Tobольскъ, его пригласили въ семейство Черепанова, служившаго тамъ прокуроромъ. Этотъ Черепановъ, человекъ гордый, прежде невѣрующій, вслѣдствіе разныхъ семейныхъ несчастій, потерявшій нѣсколькихъ дѣтей, которыхъ любилъ страстно, обратился къ вѣрѣ, но больше съ обрядной ея стороны. Архим. Макарій, взошедъ въ первый разъ въ ихъ домъ и не имѣя до тѣхъ поръ никакого понятія о семействѣ Черепановыхъ, вдругъ заговорилъ надменнымъ тономъ: „Въ Римѣ на своемъ сѣдалищѣ судія допрашиваетъ подсудимаго, и предъ нимъ стоитъ истецъ“, и потомъ вдругъ прекратилъ эту рѣчь, какъ будто выходя изъ забытѣя. Имъ овладѣлъ духъ гордости хозяина дома, и вообще онъ проникался духомъ той среды, въ которую входилъ. За обѣдомъ у этихъ же Черепановыхъ онъ сталъ спрашивать свою сосѣдку, бѣдную скромную дѣвушку, какъ она проводитъ свой день, съ чего начинается, не сердится ли на свою служанку Акютку и не бьетъ ли ее по щекамъ, когда та чѣмъ ей не угодитъ; при этомъ хозяйка дома страшно сконфузилась, такъ какъ за ней водился тотъ грѣхъ, что она колотила свою горничную Акютку, о чемъ Макарій не могъ имѣть никакого понятія“ *).

*) Русскій Архивъ, 1894, II, 444: „Изъ памятныхъ тетрадей С. М. Сухотина“ (Записи разсказаннаго П. Н. Свистуновымъ въ 1871 г.). Ср. III, 59. Въ 1873 г. Свистуновъ

Но, входя въ духъ, а также въ интересы той среды, въ которую онъ попадалъ, Макарій умѣлъ быстро заинтересовать слушателей тѣми идеями, которыя его занимали. Въ этотъ разъ онъ нашель у названныхъ лицъ сочувствіе къ своей основной мысли о необходимости перевода Библии на Русскій языкъ и о развитіи вообще въ Русскомъ народѣ религіознаго просвѣщенія. Переводъ Библии съ Еврейскаго Макарій производилъ самъ; но ему нужны были, во-первыхъ, сотрудники для перевода съ иностранныхъ языковъ экзегетическихъ сочиненій, какъ пособій къ уразумѣнію Библии, и другихъ назидательныхъ книгъ, которыя могли бы восполнить скудную Русскую богословскую литературу; во-вторыхъ, штецы для переписки переводовъ, копіями которыхъ онъ, при невозможности напечатать ихъ, снабжалъ своихъ друзей и благодѣтелей Алтайской миссіи. Перепискою своихъ переводовъ о. Макарій въ Улалѣ занималъ своихъ сотрудниковъ и другихъ случайныхъ лицъ. Теперь же приходилось искать помощи внѣ состава миссіи. Въ услугахъ Екат. Ѳед. Непряхиной Макарій не могъ сомнѣваться; но она въ своей преданности ему и его высокимъ задачамъ пошла еще дальше: несмотря на свои 43—44 года, она дала о. Макарію, прощаясь съ нимъ, слово изучить Французскій, Нѣмецкій и Англійскій языки, чтобы имѣть возможность помогать ему переводомъ иностранныхъ книгъ и такимъ образомъ всю себя посвятить служенію Слова Божія и распространенію его. И, дѣйствительно, она достигла того, что чрезъ годъ съ небольшимъ стала переводить съ Французскаго нужныя Макарію Остервальдовы примѣчанія и объясненія къ Французской Библии и какую-то Нѣмецкую книжку.

Изъ писемъ къ о. Макарію Е. Ѳ. Непряхиной 1844—1846 г.г. мы узнаёмъ, что въ этомъ помогали ей и Макарію и названные Декабристы.

Такъ, М. А. Фонъ-Визинъ переводилъ съ Французскаго Остервальдовы комментаріи къ доставшимся на его долю библейскимъ книгамъ, пересматривалъ съ Непряхиной и поправлялъ сдѣланные ею переводы изъ Остервальда. Онъ же переводилъ книжку *La tristesse et la consolation*. Нѣкоторые переводы посылалъ онъ Макарію въ Москву (чрезъ своего брата Ивана Александровича). Самой Непряхиной онъ подарилъ Французскую Библию. Его жена

много вспоминалъ о миссіонерѣ о. Макаріи, объ его дарѣ прозорливости и его глубокой духовности. Онъ находился подъ вліяніемъ того духа, который ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизглаголанными (Рим. VIII, 26). „Прозорливость“ архим. Макарія (какъ и многихъ другихъ праведныхъ людей) объясняется его глубокой опытностью въ духовной жизни и неослабно внимательнымъ отношеніемъ ко всѣмъ своимъ душевнымъ движеніямъ и помысламъ, что позволяло ему постигать даже самыя сокровенныя сердечныя движенія у другихъ лицъ. Большой подборъ фактовъ проицательности и „прозорливости“ изъ Болховской жизни о. Макарія сдѣланъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ почитателей его памяти, Орловскимъ протоіереемъ о. Іліей Ливанскимъ въ книжкѣ: „Нѣкоторыя черты изъ жизни приснопамятнаго основателя Алтайской духовной миссіи, архим. Макарія Глухарева, во время пребыванія его въ Болховской Оптиной пустыни, Орловской епархіи“ (Орель, 1897). Но нѣкоторые изъ нихъ, какъ и сообщенные П. Н. Свиступовымъ, не совсѣмъ подходятъ подъ приведенное объясненіе прозорливости...

Наталія Дмитріевна помогала Непряхиной въ изученіи Французскаго языка и переписывала переводы библейскихъ книгъ.

П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ трудился надъ перепиской библейскихъ книгъ и надъ переводомъ Остервальда. Быть можетъ, имѣеть значеніе и его предупрежденіе относительно строгости Московской почты въ досмотрѣ посылковъ и писемъ, хотя и Непряхина была такъ осторожна въ этомъ отношеніи, что сама посылала и Макарію предлагала пересылать письма въ переплетъ Славянскаго букваря и для взаимныхъ сношеній изобрѣла особую шифрованную азбуку, о чемъ, повидимому, была у нея рѣчь при прощаніи съ Макаріемъ. Впрочемъ, не только Московская почта пугала нашихъ переписчиковъ: имъ стало извѣстно, что преосвященный получилъ секретное и строжайшее предписаніе отыскивать и отбирать библейскія рукописи и переводы на Русскій языкъ¹⁾; потому и сама Е. Θ. Непряхина отвѣчала отрицательно на вопросъ архіепископа, не оставилъ ли о. Макарій какихъ-ниб. переводовъ, и одному изъ наиболѣе усердныхъ переписчиковъ, какому-то Петру Дмитріевичу, человеку слабому на языкъ, наказано было компаніей, чтобы онъ не проболтался кому-либо насчетъ своихъ занятій...²⁾.

Наконецъ, что касается П. Н. Свистунова, то онъ въ началѣ 1845 г. предложилъ Е. Θ. Непряхиной заниматься Французскимъ и Англійскимъ языками³⁾. Занятія начались, впрочемъ, въ Сентябрѣ, причемъ скоро уроки Англійскаго языка были отложены до новаго года, пока будетъ усвоенъ Французскій языкъ. Французскій изучался по книжкѣ Θомы Кемпійскаго „О подражаніи Христу“, и Свистуновъ находилъ, что и Англійскій языкъ легче изучать по Англійскому ея переводу.

Послѣднее изъ находящихся въ нашихъ рукахъ писемъ Е. Θ. Непряхиной, начало котораго написано по французски (первый опытъ Французскаго изложенія ея), писано 13 Декабря 1846 г.; но, думаемъ, что и послѣ того, до конца жизни архим. Макарія, въ Тобольскомъ кружкѣ его знакомыхъ и почитателей продолжалась вызванная имъ переводческая и по перепискѣ книгъ дѣятельность, рисующая религіозно-нравственный обликъ Тобольскихъ Декабристовъ съ новой стороны.

Въ заключеніе своей замѣтки внесемъ нѣсколько поправокъ въ „Воспоминанія“ М. Д. Францевой, касающіяся архим. Макарія, какъ всякія воспоминанія, не чужды неточностей, но отображающія вѣроятно взглядъ на него того кружка, въ которомъ вращалась она (613—615). Г-жа Францева заявляетъ, что о. Макарію обязательно нужно было пріѣзжать дважды въ годъ въ Тобольскъ, чтобы запастись необходимымъ для походной церкви и

¹⁾ Очевидно, это отголосокъ дѣла о литографированныхъ подъ видомъ лекцій переводахъ библейскихъ книгъ прот. Г. П. Павскаго.

²⁾ Горбачевскій переписалъ свои довольно большія Записки (напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ 1882 г.) до того мелко, что они помѣстились всего на нѣсколькихъ листкахъ, и покойный А. П. Баландинъ разбиралъ ихъ для насъ въ увеличительное стекло. П. Б.

³⁾ М. Д. Францева говоритъ только о Французскомъ языкѣ.

двухъ устроенныхъ имъ школь. Но ни обычныя нужды храма и школь не требовали столь частаго личнаго присутвія архим. Макарія въ Тобольскѣ, ни служебныя отношенія его: съ 1835 г. Алтайская миссія была подчинена Томскому архіерею; съ нимъ и приходилось сносятся о. Макарію. Послѣ того онъ посѣщаль Тобольскъ лишь попутно: въ 1839 г., направляясь въ Петербургъ (тогда Францевой еще не было тамъ), въ 1840 г., возвращаясь оттуда, и въ 1844 г., отправляясь къ новому мѣсту служенія. „Всякаго новаго знакомства“ онъ не избѣгалъ. Наоборотъ, онъ всегда отличался большою общительностью, и на службѣ и внѣ ея не только не уклонялся отъ сношеній съ людьми, но и искалъ случаевъ бросить въ людскія сердца сѣмя Христовой истины и привлечь новыхъ сторонниковъ къ миссіонерскому дѣлу, понимаемому въ широкомъ смыслѣ этого слова. Когда его видѣла послѣдній разъ М. Францева, ему было не „за 60 лѣтъ“, а неполныхъ 52 г. (Макарій родился 30 Окт. 1792 г.); но правда, что непосильные труды и болѣзни изнурили его и тѣмъ увеличивали его возрастъ. Состоялъ онъ миссіонеромъ въ Алтайскихъ горахъ почти 14 лѣтъ, но обратилъ ко Христу не „болѣе тысячи инновѣрцевъ-кочевниковъ“, а только 675. Рассказываемый Францевой случай ходатайства Макарія предъ государемъ Николаемъ Павловичемъ о недопущеніи продажи вина въ одномъ селеніи, въ которомъ винный откупъ хотѣлъ ввести эту продажу, какъ только тамъ была поставлена походная церковь, ходатайства, за которое Макарій едва не попалъ въ Соловецкій монастырь, хотя не противорѣчитъ характеру о. Макарія, едва ли имѣлъ въ дѣйствительности мѣсто: о немъ не упоминаетъ самъ Макарій ни въ своихъ запискахъ, ни въ письмахъ, да и въ Св. Синодѣ, повидимому, не сохраняется никакихъ указаній на это ходатайство; по крайней мѣрѣ они неизвѣстны новѣйшему біографу о. Макарія, работавшему по даннымъ синодальнаго архива (П. В. Птоховъ, Архимандритъ Макарій (Глухаревъ), основатель Алтайской миссіи, М., 1899). Предлагали ли ему дважды архіерейство, не подтверждено документально, хотя объ этомъ говорятъ многіе біографы Макарія. Наконецъ, переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ съ Еврейскаго языка на Русскій онъ совершалъ не въ 20 лѣтъ, а вдвое менѣе: теперь достовѣрно извѣстно, что онъ началъ его въ 1837 г. Новые языки зналъ онъ до того, а не изучилъ ихъ ad hoc. Св. Синоду онъ не представлялъ своего труда цѣликомъ: ему, или точнѣе, духовно-учебному комитету, онъ посылалъ только первыя двѣ книги, Іова и Исаіи...

К. Харламповичъ.